

Исчезнувший мир

Нескромное обаяние еврейских местечек Беларуси

Когда-то на улицах Воложина и Давид-Городка, Ивья и Кобрина, Мира и Новогрудка повсеместно звучала еврейская речь, чинные ребя шагали в городские синагоги, а возле рынков работали бейт-шхита – специальные места для кошерного забоя скота и птицы. Ныне все это кануло в Лету, лишь отдельные детали архитектуры или особенности быта небольших районных центров нет-нет да напомнят о существовании когда-то такого этнографического понятия, как «мир еврейского штетла». Октябрьская революция 1917 года, гражданская война 1918–1922 годов и, самое главное, холокост Второй мировой войны – все это стало историческим толчком для исчезновения моноэтнических еврейских поселений на территории современной Беларуси.

От расцвета до утраты

В 1952 году вышла книга Марка Зборовского и Элизабет Херцог «Жизнь среди людей: культура штетла» (Life is With People: The Culture of The Shtetl). Она до сих пор пользуется большой популярностью не только среди студентов-антропологов, но и среди людей, интересующихся еврейской культурой. В этом фундаментальном труде на основе воспоминаний оставшихся в живых после холокоста восточноевропейских евреев воссоздается картина жизни маленьких городков Беларуси и Украины, заселенных преимущественно лицами еврейской национальности. Именно такие городки и назывались на идиш «штетл».

Штетлы появились в Беларуси и в Украине в конце XVI – начале XVII века на землях, принадлежавших крупным польско-литовским магнатам, на восточных окраинах Речи Посполитой. В конце XVI века польские аристократы Радзивиллы, Потоцкие, Сапег и другие получили от короля привилегию – особое, юридически прописанное право создавать в своих владениях частные города. Жители такого поселения должны были платить землевладельцу специальный поземельный налог чинш (от латинского *sensus* – «перепись»). Частновладельческий город с особым статусом получил в польском языке специальное название – местечко, на идиш, как мы уже говорили, штетл.

Исторически появление евреев в Беларуси и Украине обусловлено сугубо прагматичными целями местной знати. Польские магнаты приглашали их из Центральной Европы для экономического развития своих латифундий.

Причем во многих городах и местечках, основанных ими в XVI–XVII веках, евреи были в числе первых поселенцев. Владелец поселения выдавал его жителям специальные грамоты, в которых фиксировались их права и обязанности. Евреи получали участок земли под кладбище в бессрочную аренду, право построить синагогу и открыть микву – бассейн для ритуального омовения. И местечко начинало жить и развиваться.

В XVII–XVIII веках в штетлах жила половина евреев мира и около 80 % еврейского населения Речи Посполитой. До 1844 года штетлами управляли кагалы. Кагал – это выборная администрация, сходная с польским магистратом, где право голоса было только у домовладельцев. Кагал содержал синагогу, приглашал раввина, отвечал за сбор налогов с общины.

После Второй мировой войны и холокоста мизерная часть еврейского населения, успевшая уехать в начале войны в эвакуацию, вернулась домой, но штетлы уже было не возродить.

В Российской империи понятие «еврейское местечко» появилось после разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 годов. Тогда в состав российского государства вошли западные территории, на которых жило огромное количество евреев. В 1791 году была создана черта еврейской оседлости. Это территория, за пределами которой евреям запрещалось жить на постоянной основе. Просуществовала черта оседлости аж до революции 1917 года.

Первоначально после вхождения в состав России в штетлах сохранились кагалы, общинные налоги и раввинский суд бес-дин. Однако реформы Николая I упразднили кагалное управление, а с 1827 года штетлы обязали поставлять рекрутов в русскую армию. Но при этом в них сохранились раввинские суды, хедеры (начальные школы) и часть особых еврейских общинных налогов.

В XIX веке традиционная жизнь штетлов постепенно разрушалась, население нищало. После убийства Александра II по еврейским местечкам прокатились волны погромов. Молодежь уезжала в большие города – Одессу, Варшаву, Лодзь. Многие, чтобы получить высшее образование, эмигрировали в США. В местечках все больше становилось нееврейского населения. Но, несмотря на это, в конце XIX века евреи составляли преобладающую часть жителей штетлов: 46 % – в Правобережной Украине, 54 % – в Виленской губернии, 65 % – в Беларуси.

Бытует исторический миф, будто все еврейское население белорусских, украинских и польских штетлов занималось исключительно торговлей.

Когда перестали существовать Российская и Австро-Венгерская империи, большинство местечек оказалось на территории СССР и Польши. В 1923 году советские власти ввели новую систему административного деления: термин «местечко» исчез из административного словаря, а сами они получили статус райцентров или сел. Но в бывших штетлах, сохраняя свой традиционный уклад, продолжало жить много евреев. После Второй мировой войны и холокоста мизерная часть еврейского населения, успевшая уехать в начале войны в эвакуацию, вернулась домой, но штетлы уже было не возродить. Окончательно еврейские местечки в Беларуси, Польше и Украине исчезли в 1980-х – начале 1990-х годов, когда началась массовая миграция еврейского населения в Израиль и другие страны.

Капцановка, гешефты и свитки Торы

Буквально до XX века типичное местечко сохраняло пространственно-планировочную структуру поселений времен Речи Посполитой XVI–XVII веков. Его не коснулись городские изменения XIX века: выравнивание улиц и введение регулярной планировки. Жители местечек

Арон а-кодеш в белорусской синагоге до Второй мировой войны

были упрямы в своей консервативности. После пожаров и иных бедствий постройки возводились на прежних местах.

Планировка была такова: в центре замок владельца, рыночная площадь, в противоположных концах ее – костел и синагога. Границей штетла служила река, ручей, овраг, вал или крепостная стена. Костел обычно находился в верхней части, ближе к замку, а синагога – внизу. Иногда на окраине, ближе к крестьянским предместьям, строили православную или униатскую церковь. В этих кварталах жило нееврейское население. Между ними и кварталами, где обитали евреи, часто возводили символические ворота – конструкцию из стоек и перекладины. В Шаббат к ним крепили веревку или проволоку, которая создавала так называемую границу эрува – территорию, внутри которой можно было перемещаться в субботу с вещами в руках.

Со временем плотно застроенная старая часть штетла превращалась в самый бедный район городка. В еврейской среде его часто называли капцановка

(от «капцн» – «бедняк» на идише). В советское время главная улица в таком квартале бывшего штетла, где продолжали жить евреи, обычно носила имя Шолом-Алейхема – единственного признанного в СССР классика еврейской литературы.

В штетлах трудились люди очень редких и специфических профессий, которые присущи лишь моноэтническим еврейским поселениям и которых больше уже никогда не будет в Беларуси.

Знаковыми местами в штетле были рынок, синагога, кладбище, двор цадика (духовного лидера хасидской общины), миква (бассейн для ритуального омовения), хедер (еврейский аналог начальной школы), иешива (религиозная школа, еврейский аналог семинарии), бейс-шхита (специальное место для кошерного забоя скота и птицы, оно располагалось чаще всего рядом с миквой или синагогой, а иногда и у рынка). Очень трудно сегодня найти толкование такому понятию, как бейт-мидраш (в переводе с иврита «дом учения»). Это было общественное учреждение, представляющее собой что-то среднее между мужским клубом и религиозной школой. Холостные молодые люди и взрослые мужчины проводили в бейт-мидраше целый день. Внутри стояли столы, стулья, а также арон а-кодеш – шкаф со свитками Торы. Здесь до второй половины XIX века евреи самостоятельно или объединившись в хевры (группы), изучали Священные тексты.

Балагола, не гони лошадей...

Бытует исторический миф, будто все еврейское население белорусских, украинских и польских штетлов занималось исключительно торговлей. Да, действительно, большое количество евреев из местечек было задействовано в мелкой розничной торговле и даже в оптовых международных поставках зерна, льна и леса. Но в основном местечковые евреи были ремесленниками: портными, столярами, стекольщиками, сапожниками, шапочниками. Если заглянем в «Ведомости о количестве синагог, кагалов, родившихся, бракосочетавшихся, умерших евреев за 1840 год» Новогрудского уезда, то выясним следующее: в это время в таком местечке, как Городище (ныне городской поселок в Барановичском районе), евреи являлись владельцами 48 домов, в которых проживало 55 семей. В Городищах жили семьи Михеля Кроловица (ремесленник), Хаима Гудамовича (ремесленник), Бенямина Богатуна (шинкарь), Шмойлы

Вонхадло (шинкарь), Менделя Молчадского (резник) и другие. Ремесленники составляли значительную часть предпринимательской прослойки.

Социальная среда штетлов никогда не была однородной. Места в синагоге и на кладбище, выбор брачного партнера полностью зависели от положения члена общины на созданной веками иерархической лестнице. В штетлах проживало несколько основных групп: шейне идн – высший класс; балебатим – зажиточные евреи (домовладельцы); балмелохес – ремесленники; просте – низший класс. Элита руководила институтами штетла и контролировала его политику – в синагоге эти люди обычно сидели около восточной стены. Средний класс (балебатим) владел магазинами или мастерскими. Ниже по социальной лестнице стояли квалифицированные ремесленники: часовщики и портные, которые шили дорогую одежду. Затем обычные портные и сапожники. К просте относились водоносы и носильщики. Еще ниже шли нищие и маргинальные типы.

Очень колоритно описывает представительницу еврейской элиты (шейне идн) из того же Городища известный польско-белорусский фотограф, писатель и этнограф Ян Булгак в книге воспоминаний «Край детских лет», вышедшей в 1942 году: «На рынке было много еврейских магазинчиков с «крестьянским» товаром, это значит с изделиями из железа, селедкой и др. Среди них первое место занимал магазин Фейги – самый большой и богатый, где рядом с названными предметами можно было купить шоколад, галстук, бакалейные товары,

Три еврейских дубильщика кожи за работой.
Старший мужчина (слева) одет в традиционную еврейскую одежду

Шойхет, Витебская область, 1930 год

глауберову соль. У нее же можно было узнать самые новые сплетни из окрестностей Городища. Фейга неофициально представляла местечко, и каждый приезжий заходил в магазин и считался с ней больше, чем с самим паном «исправником» – представителем российской власти... Фейга не только имела талант торговать, но и дипломатическое понимание: она знала всех в уезде, знала о каждом то, что было нужно, чтобы ему угодить, а самой воспользоваться. Она жила со всеми в хороших отношениях, выделяла помещиков, хотя в своем магазине открыто занималась мелкой торговлей, но втихаря давала деньги в рост под проценты и скупала за бесценок рожь».

В штетлах трудились люди очень редких и специфических профессий, которые присущи лишь моноэтническим еврейским поселениям и которых больше уже никогда не будет в Беларуси. Это, например, шойхет – человек, занимающийся кошерным забоем скота и птицы. Когда шойхет умирал, жители штетла не ели мясо до тех пор, пока эту должность не занимал другой человек. Или шадхен – профессиональный сват – мужчина, получавший гонорар от родителей новобрачных после сватовства. Сваты имели не лучшую репутацию

Шпрехалке «заговаривает зубы», Витебская область, 1930 год

в местечках и были предметом насмешек в еврейских фольклоре и литературе.

«Она жила со всеми в хороших отношениях, выделяла помещиков, хотя в своем магазине открыто занималась мелкой торговлей, но втихаря давала деньги в рост под проценты и скупала за бесценок рожь».

Явным прототипом отца Бенциона Крика из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля являлся представитель такой профессии, как балагола – извозчик, доставляющий людей и грузы в соседние местечки, деревни и до железнодорожной станции. Их в штетлах побаивались из-за дурной славы. Считалось, что балаголы носят в голенище сапог финский нож, травят лошадей конкурентов и настолько свирепы, что разбойники на дорогах боятся нападать на пассажиров.

Самыми известными и любимыми в еврейских местечках и в белорусских селах были клезмеры – музыканты, обязательно мужчины, которые выступали на свадьбах, в том числе нееврейских, во время праздников на городских площадях, в домах богачей и в шинках. Из-за

того, что их заработок не был регулярным, клезмеры относились к самым бедным жителям местечек.

Среди женских профессий, распространенных только в штетлах, можно выделить бобе (повивальная бабка), шпрехалке (знахарка, на идише «шпрехалке» буквально значит «заговаривающая»), арверке (повариха, готовившая за вознаграждение еду на свадьбу, накрывала свадебный стол и следила за раздачей блюд во время пира).

Известный белорусский этнограф, писатель и журналист Павел Михайлович Шпилевский в работе «Путешествие по Полесью и белорусскому краю» (1858), рассказывая о своем пребывании в Кобрине, упомянул еще одну очень интересную еврейскую местечковую профессию – нечто среднее между секретарем, экскурсоводом и торговым посредником (в современном жаргонном языке есть такое понятие «решала»). В просторечии называлась она «жид-фактор». И вот как ее представителя описывал Шпилевский: «Жид-фактор в Западной России для проезжего то же, что для столичного жителя газета или для археолога архив редкостей. Он расскажет вам все достопримечательности города, познакомит на словах со всеми знаменитостями его, объяснит, кто где живет, с кем знаком, что ест-пьет, на чем спит, какое имеет состояние, сколько делает долгов, чем занимается, что затевает, куда собирается ехать, как кто одевается, сколько изнашивает сапог или башмаков, откуда получает лишнюю копейку, кто когда приехал или выехал из города, когда возвратится, удачно или неудачно окончит какое-нибудь дело – словом, передаст вам все, что хотите о своем городе и, вдобавок, возьметесь исполнить все ваши поручения, как бы они ни были трудны, и действительно исполнит. Но не думайте, чтоб это обошлось вам дорого: ничуть! За полтинник фактор будет бегать целый день».

Дятловский паркет и новогрудские контракты

Каждое еврейское местечко в Беларуси имело свои особенности, достопримечательности как в экономической, так и в сфере духовной. Теперь это назвали бы брендом.

В 1881–1901 годах в России вышел 19-томный сборник «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» под редакцией географа, ботаника и путешественника Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. В третьем томе издания, о литовских и белорусских губерниях Российской империи, не обойдены вниманием

существующие там еврейские местечки. Вот, например, что писал автор про штетл Давид-Городок: «...главное, чем славились сапожники Давид-Городка, – это высокие, с длинными голенищами сапоги. Всё это ежегодно привозится в Вильно, Варшаву и другие города». Петр Петрович также упоминает, что местные еврейские мастера были хорошо известны искусной отделкой плетеных бричек – полукошков. Кстати, отсюда и пошла распространенная в тех местах фамилия Полукошко.

Но, пожалуй, самым известным в мире белорусским штетлом был и остается Воложин. Это связано не только с тем, что в 1923 году в местечке Вишнево Воложинского повета Новогрудского воеводства тогдашней Польши родился девятый президент государства Израиль Шимон Перес. На протяжении нескольких столетий, с 1803 года вплоть до начала Второй мировой войны, здесь существовала знаменитая Воложинская иешива, называемая в иудейском религиозном мире «ЭМаЕШИВА», что в переводе означает «мать иешив». Она стала прототипом крупных талмудических учебных заведений в Восточной Европе, Израиле и США в XIX и XX веках. Именно Воложинская иешива сформировала религиозно-духовный облик литвацкого еврейства («литваков»). О ее популярности во всем мире писал Антон Иванович Левицкий, белорусский писатель и журналист. В 1909–1910 годах он работал секретарем, а затем заведующим литературным отделом крупнейшей белорусской газеты «Наша ніва», выходившей в Вильно. На ее страницах Левицкий отме-

Здание Воложинской иешивы, чудом уцелевшее во время Второй мировой войны, сохранилось в хорошем состоянии

Дятлово, вид на город,
рыночная площадь

чал такую черту евреев, как приверженность традициям своего народа: «Не толькі з усёй Расеі ды Еўропы, але і з усяго свету – з Амерыкі, нават Японіі прыязджаюць сюды вучыцца на рабінаў. <...> і жыды тутэйшыя <...> не трайкочуць яны, як тыя сарокі, чужой мовай; не, яны моцна трымаюцца сваёй веры, звычайу, мовы...».

В Новогрудке проходили два контракта: 19–23 марта и на десятой неделе после Пасхи (десятуха).

Основанная в 1803 году Хаимом бен Ицхак Воложинером, ведущим религиозным авторитетом ортодоксального еврейства начала XIX века, иешива к концу 80-х годов XIX века насчитывала более 400 учеников, стала центром религиозного движения «Ховевей Цион», целью которого являлось объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине – в Израиле. Во время Первой мировой войны в иешиве занятия продолжались вплоть до приближения к Воложину фронтовой полосы. Она открылась вновь в 1921 году и продолжала действовать до Второй мировой войны, когда ее последние 64 студента погибли от рук нацистов. Главой Воложинской иешивы в XIX–XX веках долгое время был Хаим ха-Леви Соловейчик, выдающийся рав-

винистический ученый, при жизни не опубликовавший ни одной своей работы в печатном виде. Его учение и способ преподавания передавались в литовских иешивах только из уст в уста его учениками.

Новогрудок с 1799 по 1914 год считался своеобразной еврейской коммерческой столицей. Исключительную роль в жизни города играли так называемые контракты. В Новогрудке проходили два контракта: 19–23 марта и на десятой неделе после Пасхи (десятуха). Собирали они от 1000 до 1200 человек. Торговля велась шелковыми и льняными тканями, посудой, бакалейными товарами, рыбой. Из иноземных изделий встречались чай, турецкий табак, вино на «французский манер». Определенное место отводилось оптовой продаже хлеба, водки, шерсти и смолы. По воспоминаниям Яна Булгака, контракты собирали «всех окружающих помещиков, крестьян, а также купцов и торговцев из самых дальних закуулочков края. Съезд был такой многолюдный и великолепный... что на контракты приезжал даже театр из Вильно... и Новогрудок становился настоящей столицей». Это было благоприятное время для знакомства молодых людей и заключения браков. Еврейские родители специально посылали своих сыновей на контракты, так как знали, что там собиралась как минимум окрестная элита. Лишь война 1914 года прервала эту славную традицию.

Ружаны,
мацевы на еўрейском кладбіцце

Небольшое еврейское местечко Дятлово в 1900 году попало на страницы адрес-календаря «Вся Россия: Русская книга промышленности, сельского хозяйства и администрации». Там указаны предприятия, принадлежавшие дятловским евреям: медоварни, аптека, торговые предприятия по продаже бакалеи, железа, и, мануфактурных товаров, хлеба и яиц. Особо отмечалось, что местечко славится выделкой паркета, известного под маркой «дятловского», и что «здешние ремесленники производят наилучший паркет»...

История и быт еврейских штетлов Беларуси остались лишь в воспоминаниях старожилов, которые потихоньку уходят в мир иной.

История и быт еврейских штетлов Беларуси остались лишь в воспоминаниях старожилов, которые потихоньку уходят в мир иной. И потому их восприятие прошлого для современников особенно ценно. Уроженка Дятлово Артемия Михайловна Чурило, 1933 года рождения, говорит, что из еврейских праздников ей все больше помнилась пасха: «Называлась пэйс, они на эту пасху носили мацу. Как у нас традиция крашенные яйца дарить, так у них была традиция мацу эту дарить». Женщина также рассказала, что на шабат в местечке были «сплошные массовые гуляния евреев – нельзя было пройти по улице, по тротуару. Молодежь толпами. И гуляли, и вечером, и поздней ночью, и все».

Около Ружан находится еврейское кладбище. На нем более 200 мацев (надгробий). Причем самое древнее из них относится к 1782 году. Советский писатель Владимир Солоухин, пораженный увиденным в Ружанах кладбищем, так описал его в своем эссе «Чаша»: «...выйдя из молодого соснового лесочка, я увидел необыкновенное зрелище. Ровное просторное поле поросло суховатой и как бы даже белесой, седой травой. <...> Из этой травы <...> торчало на большом пространстве множество невысоких, заостренных кверху камней. Восточная вязь на них. Видно, что место это давно оставлено людьми, либо переселившимися, либо вымершими. Получалось впечатление встречи с иной, неизвестной цивилизацией. Ни заборов, ни оградок, ни цветов, ни тропинок, ни даже могильных холмиков. Заостренные камни, сухая земля, седоватая травка. А еще это было похоже на то, как будто находились некогда в земле тысячи гусениц, и вот из них вывелись бабочки. Вывелись и улетели. И где они теперь, неизвестно. Оболочки остались лежать в земле. Таинственная цивилизация».

Воспоминания старожилов да многочисленные заброшенные еврейские кладбища по всей Беларуси еще и еще раз подталкивают нас больше узнать об этом ярком и самобытном мире белорусских штетлов, которые стали достоянием общей белорусской культурно-исторической памяти.

Александр КАРАБЛИКОВ
Фото из открытых источников